

УДК 347.4

Ю. П. Егоров

Новосибирский юридический институт (филиал)
Томского государственного университета
ул. Советская, 7, Новосибирск, 630007, Россия
E-mail: egorov_up@rambler.ru

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ СДЕЛКИ

Традиционный анализ условий действительности сделок сквозь призму законности их содержания, воли и ее изъявления, формы сделок и их субъектного состава¹ обусловлен объективными факторами [13. С. 18–23, 33–43, 55–64]. Еще в XIX веке профессор С. В. Пахман выделял личные условия сделок (дееспособность, наличие сознательной воли), предмет и содержание сделок, форму их совершения [14. С. 55–64]. Если действие, как социальный носитель сделки, отвечает установленным законодательством требованиям правового режима сделок, предусмотренного в гл. 9 ГК РФ, то оно и обретает статус сделки. Сделки формируют права и обязанности сторон в возникающем из факта их совершения правоотношении и благодаря этому выступают средствами индивидуального регулирования общественных отношений. Требования к сделкам – это по сути требования к их участникам. Поэтому при анализе условий действительности сделок с необходимостью надлежит рассматривать требования к их субъектному составу.

Требования к субъектам сделок включают в себя требования к определенности субъекта

сделки и его правосубъектности. При совершении юридическими лицами сделок в гражданском обороте требование определенности субъекта сделки, его персонификации нередко нарушается. В практике имеются факты неточного наименования участника сделки, неверного указания места его нахождения, допускаются ошибки в организационно-правовой форме юридического лица. При отсутствии умысла допущенные ошибки, если их устранение возможно без нарушения прав и интересов третьих лиц, могут быть исправлены путем соответствующих уточнений. Этим будет обеспечен баланс между публичным и частным интересами. Если же допущенная ошибка повлекла ущерб для третьих лиц, то неблагоприятные имущественные последствия, обусловленные неточной персонификацией участника сделки, в силу гражданско-правовых принципов должны возлагаться на этого участника.

Изложенный подход приемлем в связи с тем, что технически возможные опiski делают дефектным волеизъявление на стадии волеизъявления и не связаны с дефектностью волеизъявления, влекущего волевою порочность сделки как таковую. Дефектность при технических ошибках волеизъявления на стадии волеизъявления не равносильна его дефектности как следствию порока внутренней воли участника сделки. Внутренняя воля при таких условиях соответствует волеизъявлению, и поэтому необходимость защиты частного интереса в сделках позволяет не придавать дефектности волеизъявления в связи с технической ошибкой существенного

¹ Предлагаемая тематика, нашедшая в определенной степени отражение в монографии автора [7], вызвала живой интерес научной общественности. Это, а также актуальность разрабатываемых автором проблем, обуславливает, на наш взгляд, необходимость дальнейшего продолжения полемики по вопросу «определенности» субъекта сделки. – *Примеч. ред.*

значения для недействительности сделки. В то же время защита публичного интереса, интересов потерпевшей от ошибки стороны позволяет констатировать недействительность сделки по рассматриваемому основанию. Это допустимо при условии доказанности факта причинения технической ошибкой ущерба третьим лицам. Действующее законодательство такой нормы не содержит, хотя было бы целесообразным внесение этого правила в Гражданский кодекс Российской Федерации.

В ряде случаев требования к определенности субъекта сделки устанавливаются законодательством непосредственно в норме права. В частности, в соответствии с п. 2 ст. 1041 ГК РФ сторонами договора простого товарищества, заключаемого для осуществления предпринимательской деятельности, могут быть только индивидуальные предприниматели и/или коммерческие организации. На практике в связи с нарушением этого требования закона судами констатируется ничтожность договоров. Так, суд признал ничтожным договор о совместной деятельности автошколы РОСТО и ООО «Водолей-Н» по эксплуатации автозаправочной станции, поскольку стороны не учли некоммерческий характер автошколы [1]. По другому делу арбитражный суд признал ничтожной сделку о переуступке должника агростроительного кооператива «Эврика», по которому общество с ограниченной ответственностью «Торговый дом «Ониктава»» становилось кредитором кооператива. Согласно ст. 819 ГК РФ кредитором по обязательству, возникшему из кредитного договора, может выступать только банк или иная кредитная организация, а Торговый дом «Ониктава» такой организацией не является [2].

Применительно к юридическому лицу требования к правосубъектности изначально означают признание за организацией статуса юридического лица. Поэтому отсутствие факта регистрации общества с ограниченной ответственностью в качестве юридического лица обоснованно влечет ничтожность заключенного этим обществом договора купли-продажи акций [21].

В соответствии с ст. 173 ГК РФ сделка, совершенная юридическим лицом в противоречии с целями деятельности, определенно ограниченными в его учредительных документах, либо юридическим лицом, не имею-

щим лицензию на занятие соответствующей деятельностью, может быть признана судом недействительной по иску этого юридического лица, его учредителя (участника) или государственного органа, осуществляющего контроль и надзор за деятельностью юридического лица, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о ее незаконности. Отсутствие последнего условия исключает возможность признания недействительности сделки. Так, Президиум ВАС РФ не согласился с постановлением кассационной инстанции о признании недействительными тридцати восьми заключенных ЗАО «Страхования компания «Инко-Центр»» договоров добровольного медицинского страхования по причине отсутствия лицензии у этого общества. Президиум посчитал недоказанным то обстоятельство, что страхователи знали или должны были знать о незаконности этих договоров [18].

Противоречие целям деятельности как основание недействительности сделок может применяться как к некоммерческим, так и к коммерческим организациям. Цели деятельности некоммерческих организаций, унитарных предприятий и других коммерческих организаций, в отношении которых предусмотрена специальная правоспособность, в соответствии с требованиями закона определенно ограничены учредительными документами. Совершенные ими сделки оспариваемы. Думается, что ошибочно рассматривать противоречие целям и предмету деятельности, определенным законом или иными правовыми актами, сделки унитарных предприятий, а также других коммерческих организаций, в отношении которых законом предусмотрена специальная правоспособность, ничтожными по ст. 168 ГК РФ. К сожалению, именно это рекомендуется в п. 18 совместного постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [16]. При использовании в данной ситуации ст. 168 ГК РФ другая сторона сделки заведомо ставится в невыгодное для нее положение, поэтому, на наш взгляд, было бы целесообразно отказаться от этой практики.

Рассматриваемые требования законодателя являются требованиями соблюдения спе-

циальной правоспособности. Это так называемые внеуставные сделки. Как правило, их совершают некоммерческие организации и унитарные предприятия. Определяя пределы юридически признаваемого в качестве сделок поведения для юридических лиц, норма ст. 173 ГК РФ отражает регулятивную функцию сделок. Устанавливая возможность индивидуального регулирования поведения юридических лиц в гражданском обороте, законодатель очерчивает его границы видами деятельности, определенно перечисленными в учредительных документах, либо видом деятельности, требующем лицензии для ее совершения. Лицензия может быть получена, если учредительными документами соответствующий вид деятельности предусмотрен, поэтому в ряде случаев основанием недействительности могут выступать одновременно и факт противоречия целям деятельности, и факт отсутствия лицензии на эту деятельность. При такой ситуации уместны соответствующие изменения в ст. 173 ГК РФ.

Применение к коммерческим организациям ст. 173 ГК РФ более проблематично. С одной стороны в их учредительных документах, как правило, перечисляются конкретные виды деятельности и очерчиваются ее рамки. С другой стороны, закон наделяет эти лица общей правоспособностью, предоставляя им право совершать любые, не запрещенные законом сделки. Видимо, ст. 173 ГК РФ применима к коммерческим организациям в случае совершения конкретным юридическим лицом данного вида сделки, явно противоречащей профилю ее деятельности, например, если организация, специализирующаяся на производстве сельхозпродукции, заключает сделки на не предусмотренную учредительными документами деятельность по строительству дачных домиков для третьих лиц. Вместе с тем, если это юридическое лицо из полученной прибыли возводит дачи своим сотрудникам, то такие сделки, поскольку они непосредственно направлены на улучшение благосостояния членов коллектива, должны признаваться действительными.

Противоречие целям деятельности юридического лица как основание недействительности сделки не должно ограничиваться основными функциями юридического лица. Своеобразным подтверждением тому является норма, которая позволяет некоммерческим

организациям заниматься предпринимательской деятельностью для достижения целей, ради которых они созданы.

Данный подход законодателя может быть положен в обоснование позиции о необходимости использования в праве категории сделкоспособности применительно к юридическим лицам в качестве самостоятельной правовой категории, не дублирующей правосубъектность и не сводимой к ней, а акцентирующей внимание на особенностях правового режима совершения сделок юридическими лицами.

Сделки не содержат специальных ограничений, предъявляемых к их субъектам – юридическим лицам – за рамками ограничений, установленных для правового статуса этих юридических лиц. Правосубъектность юридического лица позволяет наполнить конкретным содержанием его правовой статус как субъекта права в том смысле, что ее «можно представить в виде своеобразного “буфера” между реальным лицом и статусом субъекта права. Этот “буфер” является правовой конструкцией, отражающей состав юридических фактов, наличие которых позволяет конкретному лицу (или вынуждает его) выступить в качестве обладателя соответствующего правового положения» [28. С. 5–10]. Правосубъектность устанавливается законом и не зависит от самого юридического лица. Напротив, сделкоспособность, как возможность самостоятельного совершения сделок, предопределенная признанием юридического лица субъектом права и социально-экономической готовностью совершения конкретной сделки, предполагает усмотрение юридического лица на заключение в принципе любых сделок. Пределы заданы лишь явным противоречием совершаемой сделки характеру деятельности юридического лица. Между тем, характеру деятельности юридического лица отвечают не только сделки, непосредственно соответствующие целям деятельности юридического лица, но и сделки, в той или иной степени содействующие этим целям (сделки в интересах членов коллектива юридического лица, не противоречащие требованиям финансового и налогового законодательства; спонсорская помощь; сделки предпринимательского характера для реализации уставных целей некоммерческой организации и пр.). Тем самым сделкоспособность свидетельствует о том, что кон-

кретные правомочия юридических лиц в гражданском обороте значительно шире предмета их уставной деятельности.

Подтверждает стремление законодателя к расширению правомочий юридического лица норма ст. 174 ГК РФ. Для признания недействительности такой сделки, во-первых, необходимо, чтобы другая сторона в сделке знала об ограничении полномочий; во-вторых, требование о недействительности должно быть заявлено лицом, в интересах которого установлены ограничения и, в-третьих, при совершении сделки лицо конечно же должно выйти за пределы установленных полномочий.

Полномочия на совершение сделки согласно ст. 174 ГК РФ, ограничены договором, а для юридического лица – его учредительными документами, но они могут приобрести более широкий объем в силу доверенности, закона или обстановки, в которой совершается сделка. Такие ситуации возможны при вызванном невнимательностью ошибочном расширении компетенции лица в доверенности. Возникают они и при совершении руководителем акционерного общества сделки с недвижимостью, когда общие полномочия по руководству деятельностью общества соблюдены, но сделка в соответствии с требованиями учредительного договора не согласована с советом директоров. Например, суд обоснованно признал недействительным договор купли-продажи акций в связи с тем, что уставом и советом акционерного общества АКБ «Казакбанк» председатель правления не был уполномочен заключать договор на сумму 14,8 млрд. рублей. Уставом и советом ему было предоставлено право самостоятельно подписывать договоры только на сумму до 1 млрд. рублей [5]. Норма ст. 174 ГК РФ, отдавая предпочтение первоначальным документам, определяющим юридический статус лица, объем его правовых возможностей, тем самым способствует стабилизации гражданского оборота.

Согласно п. 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.05.1998 г. № 9 «О некоторых вопросах применения статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации при реализации органами юридических лиц полномочий на совершение сделок» лицо, в интересах которого установлены ограничения, вправе впоследствии одобрить сделку, совершенную с

пороками ст. 174 ГК РФ. Здесь по аналогии закона надлежит применять п. 2 ст. 183 ГК РФ. Одобрением сделки может быть признан, в частности, факт принятия истцом (в том числе уполномоченным органом юридического лица) исполнения по оспариваемой сделке. Оснований для признания сделки недействительной по ст. 174 ГК РФ при таких обстоятельствах не усматривается [15]. Подобный подход способствует обеспечению реализации интересов участников сделок и свидетельствует о дозволительной сущности института сделок. В противном случае утрачивается смысл использования сделок как института гражданского права, ориентированного на реализацию интересов каждого из участников гражданского оборота не в ущерб интересам других участников. В этом контексте Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ обоснованно посчитал, что сам факт подписания генеральным директором акционерного общества кредитного договора с превышением полномочий при условии, что кредит был получен и частично погашался, а собрание учредителей и правление общества в последующем дало согласие на получение кредита, не может служить основанием признания договора недействительным по ст. 174 ГК РФ [19].

Следует отметить, что положение ст. 174 ГК РФ о знании контрагентом об ограничении полномочий на совершение сделки нельзя трактовать расширительно. Нельзя требовать выяснения полномочий председателя правления закрытого акционерного общества посредством специального изучения его устава [17]. Признание необходимости таких действий означает, что «анализ действительного волеизъявления сторон и их действий по заключению договора подменяется сугубо формальной констатацией обязанности сторон, вступающих в договорные отношения, тщательно изучить учредительные документы друг друга» [4. С. 659]. Вменение указанных обязанностей субъекту сделки противоречит существующей презумпции разумности и добросовестности действий участников гражданско-правовых отношений. Если другая сторона в сделке не знала или заведомо не должна была знать об имевших место ограничениях на совершение сделки, то сделка, хотя бы и совершенная с нарушением правил о правоспособности, будет считаться действительной. Тем самым законодатель посту-

лирует дефектность сделки в связи с нарушением требования о специальной правосубъектности юридического лица лишь в том случае, когда это обусловлено природой юридического лица как правового явления. Этим объясняется и констатация недействительности сделок юридического лица, не имеющего лицензии на занятие соответствующей деятельностью.

Как известно, подлежащие лицензированию виды деятельности устанавливаются только законом. В частности, в соответствии со ст. 845 ГК РФ кредитные организации должны иметь лицензию для заключения и исполнения ими договора банковского счета. Согласно ст. 938 ГК РФ страховщикам нужна лицензия на осуществление страхования соответствующего вида и пр.

Юридическое лицо считается не имеющим лицензию, если она им не получена, либо отозвана органом, ее выдавшим, либо окончился срок ее действия. Во всех случаях отсутствие на момент совершения сделки требуемой лицензии запрещает субъекту права заключать такую сделку и, как следствие, заниматься соответствующей деятельностью. Однако мнение о том, что факт получения лицензии на момент рассмотрения спора судом не должен влечь за собой недействительность сделки, следует признать обоснованным [10. С. 366; 8. С. 125]. Наличие лицензии на момент спора означает правомочность лица на совершения подобной сделки, но при условии, что вопрос о ее получении был поставлен стороной в сделке до момента ее заключения. В противном случае отсутствие правовой возможности признания недействительности сделки по данным основаниям будет противоречить интересам другой стороны в сделке.

Отсутствие лицензии как основание недействительности предопределено необходимостью фиксации факта наличия у субъекта сделки специальных навыков. Требование лицензирования потенциально обеспечивает реализацию и соблюдение интересов всех участников сделки в данной области деятельности. Лицензия подтверждает возможность расширения сферы деятельности субъекта права. Для констатации недействительности, учитывая презумпцию добросовестности участников гражданского оборота, необходимо доказать, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать об от-

сутствии лицензии. В пользу суждения о недопустимости использования в качестве безусловного критерия недействительности факта отсутствия лицензии при заключении сделки говорит и то, что законодатель безлицензионные сделки относит к оспариваемым. Подобные сделки как относительно действительные действительно действительны до того как будут оспорены [25. С. 19]. Наличие же лицензии на момент спора исключает выход участника сделки за пределы его правосубъектности, и, следовательно, казус надлежит решать в пользу действительности.

Особенности правосубъектности юридического лица при совершении сделки проявляются и в процессе волеизъявления, которое осуществляется физическими лицами. Тем самым не исключается возможность недействительности сделок, заключенных, например, руководителем филиала в состоянии тяжелого стресса; сделок, совершенных уполномоченным юридически лицом – представителем, страдающим ярко выраженной симптоматикой болезни Альцгеймера и пр. Вместе с тем, на наш взгляд, нельзя использовать злонамеренное соглашение представителя одной стороны с другой стороной как основание недействительности сделки, заключенной органом юридического лица, вступившим в сговор с другой стороной². Дело в том, что по правовой сути орган юридического лица выступает структурным подразделением юридического лица, и проблема его злонамеренного соглашения с другой стороной лежит не в плоскости опосредования правом волевого процесса двух субъектов права при совершении сделки с третьим лицом, а в аспекте формирования воли одного субъекта права на совершение сделки. В этом смысле речь должна идти не о злонамеренном соглашении, а только о рассмотрении вопроса соответствия воли ее изъяслению, действия же представителя при злонамеренном соглашении свидетельствуют о подмене его волей воли представляемого. Если действия органа юридического лица совершены не к выгоде этого юридического лица в связи со сговором с другой стороной в сделке, но в рамках предоставленных органу полномочий, то нельзя говорить о дефектности волевого процесса в

² Данная точка зрения в литературе высказана О. В. Гутниковым [6. С. 366–388].

сделке. Как следствие, нет и оснований недействительности сделки.

Итак, требования к юридическому лицу при совершении сделки проявляются различным образом, но они должны согласовываться с самой природой этого юридического лица. Должное понимание правовой природы юридических лиц и специальных требованиям к ним как к субъектам сделок позволит наиболее эффективно использовать сделки в качестве правовой формы регулирования социально-экономических связей.

Список литературы

1. *Архив* Арбитражного суда Новосибирской области. 2002. Дело № А45-12952/02 – КГ 7 / 609.
2. *Архив* Арбитражного суда Новосибирской области. 2002. Дело № А45-12786/ 01 – КГ 8 / 365.
3. *Белов В. А.* Бездокументарные ценные бумаги. М., 2001.
4. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право: Общие положения. М.: Статут, 1997.
5. *Бюллетень* Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 2.
6. *Гутников О. В.* Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М.: Бератор-Пресс, 2003.
7. *Егоров Ю. П.* Правовой режим сделок как средств правового регулирования. Новосибирск: Наука, 2004.
8. *Зинченко С., Газарьян Б.* Ничтожные оспоримые сделки в практике предпринимательства // *Хозяйство и право*. 1997. № 2.
9. *Информационное письмо* Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21.04.1998. № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций».
10. *Комментарий* к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. О. Н. Садикова. М., 1997.
11. *Ломакин Д. В.* Акционерное правоотношение. М.: Спарк, 1997.
12. *Мирошникова Н. И.* Нормативно-правовое регулирование корпоративных отношений // *Очерк по торговому праву*. Ярославль, 1997.
13. *Новицкий И. Б.* Сделки. Исковая давность. М., 1954.
14. *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России: Юридические очерки. СПб., 1877. Т. 1.
15. *Постановление* Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.05.1998 г. № 9 «О некоторых вопросах применения статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации при реализации органами юридических лиц полномочий на совершение сделок» // *Вестн. Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 1998. № 7.
16. *Постановление* Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // *Вестн. Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 1996. № 9.
17. *Постановление* Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.03.1996 г. № 7435/95 // *Вестн. Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 1996. № 7.
18. *Постановление* Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.07.1998 г. № 1173/98 // *Вестн. Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*, 1998. № 11.
19. *Постановление* Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.11.1998 г. № 5463/98 // *Вестн. Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 1999. № 2.
20. *Постановление* Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.03.2005 г. Дело № 8815/04.
21. *Постановление* Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 05.11.2002 г. № 5220/02 // *Вестн. Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 2003. № 2.
22. *Постановление* Федерального арбитражного суда Московского округа от 18.06.2001. № КГ-А40/2854-01
23. *Постановление* Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.02.2005. Дело № А13-124/04-04.

24. *Роднова О. М.* Природа прав, принадлежащих акционеру // Юрид. зап. Ярослав. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2000.

25. *Рясенцев В. А.* Лекции на тему «Сделки по советскому гражданскому праву». М.: ВЮЗИ, 1951.

26. *Скловский К.* Квалификация требования // Электронный журнал «Юрист». 2004. № 44.

27. *Шапкина Г. С.* Новое в российском акционерном законодательстве. Изменения и дополнения Федерального закона «Об акционерных обществах». М., 2002.

28. *Якимов А. Ю.* Статус субъекта права (теоретические вопросы) // Государство и право. 2003. № 4.

Материал поступил в редколлегию 24.01.2006